

В году две тысячи двести двадцать втором применение домашних роботов стало повсеместным. Катерино был одним из таких роботов. Превосходный электронный робот, он жил и работал в семье профессора Изидоро Корти, преподавателя истории в Римском университете. Катерино умел стряпать, стирать и гладить белье, убирать комнаты и кухню. Он сам ходил за покупками, вел тетрадь расходов, включал и выключал телевизор, печатал на машинке письма профессора, разрезал ножиком-закладкой страницы новых книг, водил машину и вечерами пересказывал домашним все сплетни соседей. Словом, он был совершенным механизмом. И, как все механизмы, не испытывал потребности в сне. Ночью, когда семья Корти отдыхала, Катерино, чтобы не скучать от безделья, еще раз утюжил брюки профессора, вязал кофту для синьоры Корти, мастерил игрушки для детей и перекрашивал белые стулья. Закончив дела, он усаживался за кухонный столик и решал очередной кроссворд. На это у него уходило довольно много времени.

Однажды ночью, когда Катерино мучительно вспоминал название реки из пятнадцати букв, он услышал негромкий свист. Он и раньше слышал эти странные приятные звуки, нарушавшие ночную тишину и доносившиеся из соседней комнаты, где спал профессор Изидоро. Но на сей раз они вызвали у него необычные мысли. "А зачем, собственно, люди спят? И что они при этом испытывают?"

Катерино встал из-за стола и на цыпочках отправился в детскую.

Детей было двое, Роландо и Лучилла, они всегда спали при открытой двери, чтобы и ночью быть поближе к родителям. На столике возле кровати горела голубая лампочка. Катерино долго всматривался в лица спящих детей. Роландо спал спокойно, а на лице Лучиллы играла легкая улыбка. "Она улыбается! — удивился Катерино. — Наверно, видит во сне что-то приятное. Но что можно увидеть с закрытыми глазами?"

Робот вернулся в гостиную и задумался. "Попробую-ка и я заснуть", - решил он наконец. Роботы существуют уже не одно столетие, но до сих пор никому из них не приходила в голову столь дерзкая мысль.

"А что, собственно, мне мешает попробовать сегодня же? Нет, сию минуту?"

Так он и сделал. "Спокойной ночи, Катерино", — сказал он сам себе. "Приятных тебе сновидений", — добавил он, вспомнив, что именно так говорила каждый вечер синьора Луиза детям, укладывая их в постель.

Катерино обратил внимание, что, ложась спать, хозяева первым делом закрывали глаза. Он попытался последовать их примеру, но, увы, его глаза не закрывались ни днем ни ночью — у него не было век. Катерино поднялся, отыскал лист картона, вырезал два кружочка, прикрепил их над глазами и снова развалился в кресле. Однако сон не приходил, а лежать с закрытыми глазами оказалось весьма утомительно. К тому же он не увидел ничего такого, что заставило бы его улыбнуться, — одна тьма, и ничего больше. Это его раздражало.

Ночь прошла в тщетных попытках заснуть. Но Катерино не пал духом и, когда утром он с неизменной чашечкой кофе на подносе отправился будить хозяина, решил усилить наблюдение. В тот день, например, он заметил, что сразу же после еды профессор удобно устроился в кресле с газетой в руках. С минуту он рассеянно перелистывал страницы, но вот веки его смежились, газета упала на пол, и Катерино вновь услышал сладостные

звуки.

"Верно, это ночная песня", — подумал робот. Он с трудом дождался ночи, и едва все улеглись, сел в кресло и принялся читать газету. Он прочел ее от первой до последней строчки, включая рекламные объявления, но сон не приходил. Тогда он стал пересчитывать точки и запятые на каждой странице, затем все слова, которые начинаются с буквы "а", но и это не помогло.

Материно не сдавался и продолжал внимательно наблюдать за хозяевами. Однажды за обедом он услышал, как синьора Луиза сказала мужу:

— Вчера вечером никак не могла заснуть. Пришлось считать овец. Знаешь, сколько я насчитала? Тысячу пятьсот двадцать восемь. И все же без снотворного дело не обошлось.

Катерино два дня обдумывал, что бы это могло значить, и наконец обратился к Роландо. Задавая ему вопрос, Катерино испытывал жгучее чувство стыда. Ему казалось, что он хочет выведать у невинного мальчугана сокровенную тайну.

— Почему вы считаете овец, когда хотите заснуть? И как это делается?

— Очень просто. Закрой глаза и вообрази, будто перед тобой овцы, — ответил Роландо, не подозревая, что он предает род человеческий. — Затем представь себе ограду и вообрази, что овца должна через нее прыгнуть. Ну, а потом начинай считать — одна, две, три, и так пока не заснешь. Мне ни разу не удалось насчитать больше тридцати овец. А Лучилла однажды насчитала целых сорок две. Но это она так говорит, я ей не очень-то верю.

Став обладателем столь волнующей тайны, Катерино едва удержался, чтобы тут же не удрать в ванную и там не начать считать овец. Наконец настала ночь, и Катерино смог приступить к смелому опыту. Он поудобнее уселся в кресле, прикрыл глаза газетой и попытался увидеть овцу. Вначале он увидел лишь белое облачко с размытыми краями. Затем облачко стало обретать более четкие формы, появилось нечто, очень напоминавшее овечью голову. Потом у облачка выросли ноги, хвост, и оно превратилось в настоящую овцу. Хуже обстояло дело с изгородью. Катерино никогда не был в деревне и не представлял себе, что такое изгородь. Тогда он решил заменить забор стулом и, вообразив перед собой белый кухонный стул, заставил овцу подойти к нему.

— Прыгай! — приказал он.

Овца послушно перепрыгнула через стул и исчезла. Катерино мгновенно попытался представить себе вторую овцу, но, пока она материализовалась из туманного облака, удрали стул. Пришлось начать все сначала. Когда же он вернул стул на место, овца не захотела через него прыгать.

Катерино взглянул на часы и с ужасом увидел, что на воссоздание всего двух овец ушло четыре часа. Он вскочил и бросился на кухню, чтобы еще раз прогладить забытые на стуле брюки профессора Корти.

"Ну, что ж, — утешал он себя, — одну-то овцу я заставил прыгнуть. Не сдавайся, Катерино, не теряй веру в успех. Завтра овец будет две, послезавтра три, и в итоге ты победишь".

Не стану докучать вам рассказом о том, каких усилий стоила Катерино эта борьба с овцами. Но через три месяца он насчитал уже сто овец, прыгающих через стул. Сто первую овцу он не увидел, потому что заснул сладким сном. Спал он всего несколько минут, но в том, что это наконец случилось, сомнений не было. Об этом неопровержимо свидетельствовали стрелки ручных часов. В конце недели робот проспал уже три часа! И ему впервые приснился сон: Катерино снилось, будто профессор Изидоро Корти чистит ему ботинки и завязывает галстук. Чудесный, восхитительный сон!

Настала пора поведать, что на другой стороне улицы жил уважаемый профессор Тиболла. Однажды ночью он проснулся от нестерпимой жажды и отправился на кухню выпить стакан холодной воды. Прежде чем снова лечь в постель, он по привычке взглянул в окно гостиной. А в окне гостиной профессора Тиболлы отражалась гостиная профессора Корти — окна были напротив. Что же предстало взору удивленного профессора Тиболлы? В гостиной его коллеги горел свет, а робот Катерино спал невинным сном младенца.

Прислушавшись, Тиболла услышал легкий свист, доносившийся из гостиной профессора Корти. Так, в довершение всего этот робот похрапывает во сне?!

Профессор Тиболла распахнул окно и, как был в пижаме, не боясь простуды, высунулся наружу и закричал что было сил:

— Тревога! Тревога! Тревога!

В несколько минут проснулась вся улица, и в каждом доме с треском распахнулись окна и двери. На балконы выбежали люди в ночных рубашках и пижамах. Некоторые, узнав, что произошло, вышли на улицу и столпились у дома профессора Изидоро Корти.

Разбуженные громкими криками, профессор и его жена подбежали к окну.

— Что случилось? Землетрясение? — испуганно спросили они.

— Гораздо хуже! — крикнул профессор Тиболла. — Вы спите на динамите, уважаемый коллега!

— Видите ли, я занимаюсь древней историей, — сказал профессор Корти. — А в древности, как вы знаете, динамита не существовало. Его изобрели много позже.

— Мы люди тихие, мирные, — робко добавила синьора Луиза. — И никому не мешаем.

Правда, Роландо вчера разбил соседям стекло футбольным мячом, но ведь мы согласились возместить убытки. Не понимаю, чем...

— Наведайтесь-ка лучше в гостиную, — прервал ее профессор Тиболла.

Синьор Изидоро и синьора Луиза недоуменно переглянулись и единодушно порешили, что им не остается ничего другого, как последовать странному совету. И они направились в гостиную.

Все это время Катерино сладко спал. На его металлическом лице играла легкая улыбка.

Он похрапывал, но так музыкально и ритмично, что легкий свист и жужжание смело можно было сравнить с игрой на скрипке или виолончели. Профессор Корти и его супруга в ужасе уставились на спящего робота.

— Катерино! — со слезами в голосе зывала синьора Луиза.

— Катерино! — куда более сурово кричал профессор Корти.

С улицы профессор Тиболла рявкнул не хуже полицейского:

— Тут нужен молоток! Возьмите молоток, друг мой, и хорошенько стукните его по башке.

А если и это не поможет, пропустите через него ток.

Профессор отыскал в кухне молоток и занес его над головой робота.

— Осторожнее! — взмолилась синьора Луиза. — Ты же знаешь, во сколько он нам обошелся. Ведь мы до сих пор не внесли последний взнос.

Всюду — на улице, на балконах, в окнах — люди затаили дыхание. В ночной тишине удары молотка прозвучали как удары судьбы, постучавшейся в дверь. Бум, бум, бум!

Наконец Катерино зевнул, потянулся, потер руку. Со всех наблюдательных пунктов донеслось дружное "Ах!". Катерино вскочил и в тот же миг понял, что кроме профессора Корти чуть ли не полгорода следило за его пробуждением.

— Я спал? — спросил он.

О ужас! Этот наглец еще смеет задавать подобный вопрос!

В ту же секунду послышался вой сирены. Полиция, предупрежденная ревностной прихожанкой из дома напротив, примчалась, чтобы внести свой вклад в решение вопроса. Он оказался весьма простым и недвусмысленным: на Катерино надели стальные наручники, погрузили его в фургон и отвезли в суд. Сонный судья приговорил беднягу к двум неделям тюрьмы.

Судья был человеком хитрым и многоопытным. Он посоветовал полиции не разглашать неприятной истории. Вот почему на следующий день ни одна газета не сообщила своим читателям о преступлении робота. Однако за сценой пробуждения Катерино наблюдали не только люди, но и многочисленные домашние роботы. Ближе всех к месту происшествия находился Терезио, робот профессора Тиболлы. Он благоразумно не вмешивался в оживленный разговор своего хозяина с профессором Корти, но, стоя у кухонного окна, жадно ловил каждое слово. Да и в соседних домах роботы наострили

уши. К тому же в четверг, когда роботы свободны от работы и собираются в городском парке, Терезио подробно рассказал друзьям о невероятном событии.

— Верите ли, Катерино спал в точности, как люди. Нет, даже красивее. Он не храпел, как многие из них, а издавал чудесные, музыкальные звуки. Это была настоящая электронная симфония!

Роботы с величайшим волнением слушали его рассказ. В их металлических головах, наделенных электронным мозгом, словно разряд тока в три тысячи вольт, мелькнула мысль: "А ведь и мы можем заснуть". Главное — постигнуть систему подготовки и воссоздания сна. Но пока об этом знал только Катерино, а он, увы, сидел в тюрьме. Значит, ждать, пока Катерино выйдет из заточения и откроет им секрет? Нет, это было бы недостойно роботов с совершенным электронным мозгом.

Выход нашел Терезио. Он знал, что Катерино особенно дружен с детьми профессора Корти. Маленький Роландо, чье доверие Терезио завоевал не без помощи жевательной резинки, поведал ему, что, видно, Катерино удалось посчитать овец, прыгавших через изгородь.

В ту же ночь Терезио попытался повторить эксперимент Катерино и, представьте себе, сразу добился успеха. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь самые большие трудности обычно выпадают на долю первооткрывателя, а остальные идут уже по проторенному пути.

Три ночи спустя жители города были разбужены необычной музыкой: тысячи роботов, устроившись в креслах, на мраморных кухонных столиках, на балконах среди горшков с геранью, на коврах, спали и при этом весьма мелодично посвистывали во сне. Полиция ошалела от беспрестанных телефонных звонков. Но не могла же она арестовать всех роботов Рима! Да и тюрьмы-то таких размеров в городе нет.

Судья, который приговорил Катерино к двум неделям тюрьмы, выступая по телевидению, предложил властям договориться с роботами. Собственно, властям ничего другого и не оставалось. Ведь не вводить же в самом деле ночные дежурства полицейских и пожарных, вооруженных молотками! А только так можно было помешать роботам заснуть. Но из-за грохота молотков сами люди не смогли бы глаз сомкнуть!

Пришлось властям Рима заключить соглашение с роботами. После Рима настал черед Милана, Турина, Марселя, Лондона и Тимбукту.

Когда Катерино вышел из тюрьмы, его встречали десятки, нет, сотни тысяч роботов. Они кричали: "Ур-ра нашему славному Катерино!" и громко аплодировали. А Вибиальди, домашний робот дирижера оркестра трамвайщиков, сочинил по столь торжественному случаю прекрасный гимн:

Катерино сверхумен, Изобрел чудесный сон.

Каждый робот будет знать,

Как приятно ночью спать.

С пением гимна и с дружными криками "Эввива!" роботы прошли по древним улицам Рима. И, надо сказать, незлобивые римляне, забыв о своей досаде, дружно хлопали в ладоши.

Впрочем, если в Риме и есть что-либо священное и неприкосновенное, так это сон. Римляне любят спать ночью, любят спать днем, но особенно любят поспать после обеда.

Один весьма солидный ученый проанализировав историю с Катерино, изложил свои выводы на двух тысячах четырехстах страницах, причем его пухлый труд был богато проиллюстрирован цветными фотографиями.

Достоинным венцом его глубоких исследований был следующий пассаж, заключающий это выдающееся творение научной мысли:

"Только в Риме в мозгу электронного робота могла родиться идея об изобретении сна. Ни в одном другом городе мира нет и не могло быть столь благоприятных условий для столь оригинального открытия".